

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902(4/9)

**О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ ДАГЕСТАНА С ЕГИПТОМ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
(по некоторым данным декоративно-прикладного искусства)**

М.М. Маммаев,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

Misrixan37@mail.ru

Аннотация: В статье на основе анализа изобразительных сюжетов произведений резьбы по камню из с. Кубачи, выяснения особенностей художественной отделки сабли XV–XVI вв. боярина Мстиславского, хранящейся в Оружейной палате Московского Кремля, а также изучения средневековых египетских медных чаш, сохранившихся донине в быту кубачинцев, освещаются вопросы художественных контактов Дагестана с Египтом в средние века.

Abstract: The article deals with the art contacts between Dagestan and Egypt in the Middle Ages on the basis of the analysis of the works of stone carving with figural subjects from the village of Kubachi, the characteristics of artistic decoration of boyar Mstislavsky's sword of the 15th – 16th centuries stored in Armory Chamber of Moscow Kremlin, and the study of medieval Egyptian copper bowls preserved to this day in household use of the Kubachins.

Ключевые слова: Дагестан, пос. Кубачи, каменные рельефы с изобразительными сюжетами, особенности художественной отделки сабли боярина Мстиславского, металлические чаши, художественные связи с Египтом в XIV–XV вв.

Keywords: Dagestan, village of Kubachi, stone reliefs with figural subjects, characteristics of artistic decoration of boyar Mstislavsky's sword, metal bowls, artistic relations with Egypt in the 14th – 15th centuries.

Художественные связи Дагестана с территориально далеким от него африканским государством Египтом в средние века, прямые или опосредственные через промежуточные страны, несомненно, существовали. Это подтверждают отдельные произведения декоративно-прикладного искусства и фольклорные данные.

Одним из таких произведений, на примере которого можно выяснить связи Дагестана с Египтом в эпоху средневековья, служит каменный рельеф – архитектурная деталь начала XV в. из сел. Кубачи, на которой представлены изображения двух противостоящих птиц по сторонам предельно стилизованного древа (Атлас к путешествию Б.А. Дорна., 1895. Табл. XVII. Рис. 2; Башкиров А.С., 1931. Табл. 35; Маммаев М.М., 1989. Рис. 152; 2005. Рис. 51). На крупном каменном блоке (48×60 см) четырехугольной формы, хранящемся ныне в Государственном Эрмитаже, выбиты в низком рельефе два стоящих орла в геральдической композиции (Рис. 1). Они показаны в профиль обращенными друг к другу. Головы их сбиты, но по сохранившимся контурам восстанавливаются их очертания. У птиц мощные, загнутые вниз клювы, опущенные вниз хвосты, орнаментально проработанные и занесенные за спины крылья, подчеркнута когтистые лапы. Глаза отмечены небольшими кружочками, тела проработаны в виде чешуек графической резьбой (но довольно толстыми линиями), передающей оперение.

Изображение орлов заключено в рамку растительного орнамента в виде повторяющихся в ритмическом чередовании пятичастных пальметт в сочетании с трилистниками (по углам рамки) и заплетающихся узлов. Растительный орнамент местами поврежден (отслоился). Он близок к орнаменту на дверном тимпане 807 г. хиджры / 1404–05 гг. с арабской надписью о строительстве медресе в сел. Кубачи (См.: Лавров Л.И., 1966. С. 129. № 339; Маммаев М.М., 1989. Рис. 168; 2005.

Рис. 39), а также к орнаменту на бортиках бронзовых котлов закрытого типа из сел. Кубачи, хранящихся в Государственном Эрмитаже и в ДГОМ (*Маммаев М.М.*, 1989. С. 223. Рис. 75).

Композиция с изображениями орлов построена с учетом четырехугольной формы камня. Она отличается органическим единством, слитностью составляющих её элементов. Изображения птиц гармонически сочетаются с растительным орнаментом, что придает рисунку большую декоративность. Мастер-резчик по камню сумел найти точные пропорции, придать композиции четкость, ясность и завершённую форму.

Аналогичная вертикальная осевая композиция высечена на другом четырехугольном камне (28,5×29,5 см), хранящемся ныне в ДГОМ (*Маммаев М.М.*, 1989. Рис. 156). Правый верхний угол и левая сторона рельефа повреждены. Геральдически противопоставленные изображения двух птиц, скорее всего голубей, без древа между ними, компактно вписаны в прямоугольную плоскость камня (Рис. 2). Рельеф низкий и плоский. Хотя головы птиц сбиты, их очертания можно легко восстановить по сохранившимся контурам. Крылья голубей отведены за спины, они обработаны продольными врезными линиями и спиральными завитками, хвосты опущены, когтистые лапы переданы условно. У голубей выпяченные грудки и большие, как у орлов, загнутые вниз клювы. Шеи «перерезаны» узкими врезными поперечными полосками. Изображения птиц обрамлены крупным растительным и ленточным (в верхней части рельефа) орнаментом. С левой стороны орнамент не сохранился (на рисунке восстановлен по образцу орнамента правой стороны); он был отбит, вероятно, позднее, при вторичном использовании камня, чтобы лучше подогнать его в кладку стены.

Парные, декоративно трактованные птицы в геральдических композициях, с сильно стилизованным деревом между ними или без него представлены и на других средневековых каменных архитектурных деталях из с. Кубачи (*Башикиров А.С.*, 1931. Табл. 36, 38; *Маммаев М.М.*, 1989. Рис. 156).

Изображения птиц на описанных выше рельефах сопоставимы с изображениями противостоящих друг другу птиц, воспроизведенных на шелковой ткани XI в. (?) из Египта, хранящейся в королевских музеях искусства и истории в Брюсселе (См.: *Воронин Н.Н.*, 1977. С. 39, 47. Илл. 20). Исследователь древнерусской архитектуры Н.Н. Воронин, который приводит в качестве аналогии изображениям орлов, представленным в росписи XII–XIII вв. смоленского храма, изображения орлов на египетской ткани, отмечает, что «мастер имел перед глазами реальный образец ткани из монастырской ризницы, которому он подражал» (*Воронин Н.Н.*, 1977. С. 39). Далее, описывая египетскую ткань, он пишет: «Птицы изображены в рост, они явно хищные, с острыми изогнутыми клювами, зажавшими квадратную «ягоду». ... Это явно ловчие соколы. Они здесь символ власти и могущества: по краям крыльев идет арабская надпись – «Постоянная сила, терпение и власть». По краям груди – белые, похожие на крестики лилии. Между птицами древовидная арабеска. Смоленский мастер переосмыслил образ птиц» (*Воронин Н.Н.*, 1977. С. 39).

Учитывая близость иконографии изображений орлов на египетской ткани и на рассмотренных выше кубачинских каменных рельефах, можно с большой долей вероятности полагать, что мастер-камнерез из сел. Кубачи, который высек изображения орлов на архитектурных деталях, тоже имел перед собой некий образец египетской высокохудожественной ткани с изображениями птиц в геральдических композициях. Но он, как и смоленский мастер, переосмыслил и творчески переработал композицию с птицами египетской ткани, а не просто скопировал.

Ещё одно изображение птицы на кубачинском каменном рельефе XIV–XV вв. (Рис. 3) сопоставимо с изображениями птиц на египетской ткани XIV в., хранящейся в Государственном Эрмитаже (*Певзнер С.Б.*, 1961. С. 234–237. Табл. V–4, VI).

На левой боковой колонке кубачинского тимпана окна, в её нижней части, в фигурном полумедальоне представлено рельефное изображение сидящей стилизованной и декоративно трактованной птицы, явно не хищной, с округлой головой на высокой шее, загнутым вниз клювом, широко и параллельно расставленными когтистыми лапками, высоко поднятым вверх хвостом с закруглением на конце (Рис. 3). Левое крыло птицы выступает спереди её фигуры, а правое вытянуто вдоль туловища. Крылья проработаны декоративно продольными врезными линиями, полуовальными фестонами и завитками. На хвосте имеются маленькие рельефные кружочки. Мастер-камнерез, вырезавший изображение птицы, стремился как можно равномерно и компактно заполнить плоскость фигурного полумедальона, с чем связаны особенности изобразительного

воплощения образа птицы. Голова и шея изображения птицы сбиты. Они на рисунке реставрированы по их контурам.

На верхнем конце колонки, в фигурном полумедальоне имеется ещё одно изображение птицы. Но иконографически оно отличается от изображения птицы, высеченной на нижнем конце колонки.

По общему облику и некоторым декоративным деталям изображение птицы на нижнем конце колонки сближается с изображением птицы на египетской ткани XIV в. (См.: *Певзнер С.Б.*, 1961. С. 234. Рис. 3. № 4). Прототипом, образцом для изображения птицы на колонке послужило, вероятно, изображение птицы на египетской ткани, оказавшейся в сел. Кубачи. Но мастер и в данном случае изображение птицы египетской ткани творчески переработал с учетом формы полумедальона колонки.

Известно, что в сел. Кубачи долго хранились, переходя из поколения в поколение, женские платья, сшитые из дорогих восточных тканей, в том числе и египетских. Платья эти носились во время свадеб дочери или сына, а новобрачная должна была (и ныне должна, по установившемуся обычаю) до 40 дней после свадьбы носить их. В остальное время платья хранились в сундуках. Кроме того, платья из дорогих восточных тканей (парча, атлас и др.) являлись частью приданого дочери при выходе её замуж. А восточные – египетские, иранские, среднеазиатские, китайские – ткани, как и различные изделия художественного ремесла – керамические и металлические сосуды, – поступали в Кубачи торговыми путями через крупный торгово-ремесленный центр г. Дербент. Восточные художественные ткани доставлялись в Кубачи, вероятно, и самими ремесленниками, которые совершали свои поездки, как и многие дагестанские алимы (мусульманские ученые), в страны Востока для продолжения и совершенствования образования в таких крупных центрах мусульманской культуры, арабской образованности и искусства, как Каир, Багдад, Исфахан, Дамаск и т.д. (*Шихсаидов А.Р.*, 2008. С. 136–143).

Наряду с художественными тканями в Кубачи доставлялись и другие произведения декоративно-прикладного искусства Египта: металлическая посуда, холодное оружие высокохудожественной отделки, а также клинки такого оружия. В даргинском фольклоре воспевается египетское оружие – «алмас дархил мисри тур» – «отделанная алмазами египетская пашка» («египетский меч») (Даргала халкыла далуйти, 1970. С. 21, 144). О том, что высококачественное египетское оружие поступало в Дагестан и в сел. Кубачи, свидетельствует то, что на клинке сабли боярина Ф.И. Мстиславского, хранящейся в Оружейной палате Московского Кремля, имеется имя мастера Абд ал-Али ибн Касим Мисри, который был родом из Египта (*Иванов А.А.*, 1976. С. 184). Но художественная отделка сабли была выполнена кубачинским мастером. Э.В. Кильчевская, первая изучившая саблю, правильно определила её как изделие кубачинского мастера, хотя клинок сабли с именем мастера Абд ал-Али ибн Касим Мисри египетской работы датируется XV веком. Касательно этой сабли А.А. Иванов отмечает: «Имя мастера Абд ал-Али ибн Касим Мисри говорит о том, что мастер был родом из Египта. Хотя египетское оружие известно очень мало, но все же трактовка орнамента на ножнах с дополнительной гравировкой находит аналогии в египетских памятниках XIV–XV веков. Форма рукоятки имеет прекрасные аналогии в иранских и турецких саблях XV – начала XVI века. Поэтому трудно поверить атрибуции Э.В. Кильчевской...» (*Иванов А.А.*, 1976. С. 184).

Чтобы иметь представление об особенностях художественной отделки сабли, опишем её. Она украшена в нижней, средней и верхней частях серебряными деталями – накладками, отделанными очень четкими и отточенно правильных форм орнаментальными композициями растительного стиля (Рис. 4–5). Накладки имеют фигурные концы, оформленные в виде крупного трилистника, свободно заполненного внутри узорной плетенкой. Серединная накладка имеет вид крупного фигурного медальона с заключенным в него изящным рельефным растительным орнаментом двусторонней (нижней и верхней) зеркальной симметрии. В середине этой накладки находится узкая орнаментированная обоймица с небольшим подвижным кольцом на боку для укрепления нижнего конца ремня.

Рукоять сабли слегка изогнута, перекрестье (крестовина) рукоятки сделано из серебра и украшено в центре орнаментальным медальоном круговой схемы композиции с заключенным в нем узором-плетенкой типа кубачинского «Хяшур» (*Изабакаров Г.Б.*, 1992. С. 110–111. Рис. 35–37). Боковые концы перекрестья украшены мелким и густым растительным узором двусторонней симметрии.

В нижней половине серебряной накладки верхнего конца сабли (т.е. серебряного устья. Названия составных деталей оружия см.: *Аствацатурян Э.Г.*, 2004. С. 8–9. Рис. 1–3; 2009. С. 23–

25, 33. Рис. 12, 14, 22–23) имеется узкая обоймица, на боку которой укреплено круглое кольцо для верхнего конца ремня. Устье и наконечник сабли декорированы весьма выразительными вертикальными осевыми композициями растительного орнамента двусторонней симметрии. Орнаментальные элементы серебряных накладок подвергнуты дополнительной легкой гравировке. Остальная поверхность ножен сабли обтянута специально обработанной (шагреновой) кожей черного цвета так же, как это делалось и позднее на дагестанских кинжалах и саблях XIX–XX вв. Несмотря на сдержанное применение серебряных накладок для отделки сабли, декорировано это оружие мастерски, на высоком профессиональном уровне.

Искусствовед Э.В. Кильчевская и крупный знаток кубачинского искусства, народный художник России и Дагестана, лауреат Государственной премии РСФСР им. И.Е. Репина Р.А. Алиханов (1922–2000) приводят достаточно убедительные аргументы в пользу принадлежности сабли работе кубачинского мастера (*Кильчевская Э.В.*, 1962. С.55; *Алиханов Р.А.*, 1963. С. 34). Форма сабли и её рукояти находит прямые аналогии не только в иранских и турецких саблях XV–XVI вв., но и в изображении сабли у охотника, высеченного на каменном рельефе XIV – начала XV вв. из сел. Кубачи (*Маммаев М.М.*, 1989. С. 292. Рис. 166; 2005. С. 160. Рис. 53), хранящемся ныне в Государственном Эрмитаже.

Орнаментальные композиции сабли, приёмы их глубокой гравировки с выемкой фона вокруг узора и дополнительной разгравировкой узорных элементов очень близки, как это точно подметила Э.В. Кильчевская, декору кубачинских резных камней – надмогильных памятников XV в., а некоторые детали орнаментальных композиций (фигурные медальоны в виде трилистника и их заполнения на накладках в нижней и верхней частях сабли) аналогичны деталям узорных композиций резных каминов (надочажных плит) (*Кильчевская Э.В.*, 1962. Табл. VI, 5, VII, 9, 10) из сел. Кубачи. Все эти совпадения вряд ли могут быть случайными.

Сабля поступила в оружейную палату Московского Кремля, как отмечает Э.В. Кильчевская, в XVII в., источник её поступления неизвестен, в инвентарной описи музея она числится как работа восточных мастеров.

Некоторые соображения общеисторического порядка служат ещё одним аргументом в пользу принадлежности сабли работе кубачинского мастера. Сабля оказалась в Москве в то время, когда с образованием Русского централизованного государства Россия проводила активную внешнюю политику на Востоке. В XVI–XVII вв. значительно оживляются и укрепляются русско-дагестанские связи: с середины XVI в. в Москве неоднократно побывали с подарками послы от дагестанских правителей с просьбой о подданстве России (*История Дагестана. Т. 1.*, 1967. С. 282–292). Как пишет Х.Х. Рамазанов, есть сведения и относительно того, что Иван Грозный (1530–1584) отправил в Кубачи своих опричников, которые должны были взамен золотых слитков брать у кубачинцев «ружья о двух кремнях» (*Рамазанов Х.Х.*, 1978. С. 76).

В 90-х гг. XVI в. и в самом начале XVII в. Россией был предпринят ряд походов в Дагестан с целью укрепления своего влияния на Северном Кавказе и в Закавказье в противовес стратегическим замыслам султанской Турции, связанным с планами захвата Кавказа (*История Дагестана. Т. 1.*, 1967. С. 285–287). В начале XVII в. с просьбой о русском подданстве обратились кумыкские князья – шамхал Гирей, Сурхай Карабудахкентский, Будайчи Эрпелинский, Казаналп Эндиреевский, а также Алибек Казикумухский, Махди Аварский, уцмий кайтагский Рустем-хан и другие (*История Дагестана. Т. 1.*, 1967. С. 292; *Магомедов Р.М.*, 1968. С. 162–164).

Поскольку время поступления сабли в оружейную палату совпадает со временем укрепления русско-дагестанских связей, то можно допустить, что сабля Ф.И. Мстиславского вполне могла быть даром русскому князю то ли от уцмья кайтагского, то ли от шамхала тарковского. А изготовлена была она, вероятно, специально по заказу кубачинским мастером. Не исключено и то, что сабля могла быть предметом купли русских купцов, которые, судя по архивным данным, в XVI–XVII вв. закупали у дагестанских горцев оружие, ковры, сумахи и другие предметы художественного ремесла (*Кильчевская Э.В., Иванов А.С.*, 1959. С. 8).

Важно также отметить, что орнаментика серебряных деталей сабли, её составные элементы и принципы композиционного построения, техника глубокой гравировки (по-кубачински «бинбултун гьабичибзиб»), дополнительная гравировка узорных элементов («кьипчегьабакьибзиб») вошли составной частью в искусство кубачинских мастеров XIX–XX вв. Что касается клинка сабли египетской работы, то в этом нет ничего удивительного, так как и позднее клинки холодного оружия изготавливались обычно вне Кубачи, в соседних сс. Амузги и Харбук, а художественной отделкой их занимались кубачинские мастера (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 59, 73). Клиники кинжалов, шашек и сабель для отделки серебром привозились в Кубачи также из

стран Востока (Египет, Сирия, Турция, Иран), а позднее, в XIX в. – и из России (*Аствацатурян Э.Г.*, 1977. Ч. I. С. 35). Поэтому права Э.В. Кильчевская, которая считает саблю Ф.И. Мстиславского, т.е. её художественную отделку, работой кубачинского мастера-оружейника (*Кильчевская Э.В.*, 1962. С. 54).

Как уже указывалось, в средние века в сел. Кубачи наряду с художественными тканями привозились различные произведения декоративно-прикладного искусства – керамические и металлические сосуды, которые сохранились в быту кубачинцев по настоящее время. К числу таких сосудов относится бронзовая (латунная) египетская чаша (Рис. 6), хранящаяся в частной коллекции. Тулово чаши истончалось в результате длительного пользования ею. В его нижней части имеются вмятины. В наиболее выпуклой части тулова в двух местах сосуд залатан тонкой латунной пластиной, закрепленной латунными же заклепками. Поддон чаши, который имеет усеченно-коническую форму, припаян позднее, вероятно, во время ремонта чаши. Бортик её утолщенный. Размеры сосуда следующие: высота без поддона – 15 см, вместе с поддоном – 20 см, диаметр устья – 26,5 см, наибольший диаметр тулова – 32 см, диаметр поддона по низу – 15,5 см.

Чаша ниже бортика украшена широкой (4,3 см) полоской, заполненной шестью круглыми медальонами и чередующимися с ними шестью картушами с различными (неповторяющимися) арабскими надписями (не переведены). Из шести круглых медальонов три заполнены орнаментальными завитками и розетками, а три других – мелкими изображениями летящих уток, показанных в разных ракурсах. Надписи даны на орнаментальном фоне. Широкая полоса окантована снизу узкой полоской, заполненной орнаментом. От этой полоски спускаются вниз небольшие, заостренные в концах фестоны, размещенные на равномерном и близком друг от друга расстоянии.

По форме и характеру декоративной отделки, а также палеографическим особенностям надписей чаша может быть датирована серединой XIV в. Она примыкает к группе аналогичных бронзовых тазиков XIV в. ближневосточного производства, хранящихся в Государственном Эрмитаже (*Иванов А.А.*, 1972. С. 114–135. Рис. 1–15). Исследовавший их А.А. Иванов отмечает, что они «были созданы где-то на стыке иранского и арабского культурных миров, ибо стиль их украшения более тесно связан с сиро-египетскими предметами, чем с иранскими, однако на двух из них есть персидские стихи, а фон надписей заполнен спирально скрученными стеблями, что тоже свидетельствует о влиянии иранской традиции» (*Иванов А.А.*, 1972. С. 131).

Ещё один сосуд, возможно, сиро-египетского производства, находится в частной коллекции в пос. Кубачи. Он представляет собой круглодонный бронзовый тазик со следами полуды (Рис. 7). Высота его – 11 см, диаметр довольно широкого устья – 21 см, наибольший диаметр тулова – 24,5 см. Бортик его утолщен. Сохранность сосуда хорошая. Местное кубачинское название тазика – «Бащима».

Под бортиком тазик украшен сравнительно широкой (3 см) полоской, заполненной восемью круглыми медальонами и чередующимися с ними восемь же картушами. Четыре картуша заполнены арабскими (?) надписями (не прочтены. Рис. 7), выполненными на фоне больших, спирально скрученных стеблей, а четыре других картуша – орнаментом в виде скрученных стеблей. Медальоны же заполнены внутри четырьмя спирально-скрученными стеблями. От широкой полосы свисают вниз восемь орнаментальных фестонов треугольных очертаний, заполненных внутри спирально скрученными стеблями.

Данный тазик, как и описанная выше чаша, находит прямые аналогии среди бронзовых тазиков середины XIV в. из коллекции Государственного Эрмитажа (*Иванов А.А.*, 1972. С. 124. № 5; С. 126. Рис. 11).

Металлические чаши, миски, подносы и т.п., происходящие из стран Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, долго хранились в быту кубачинцев, переходя из рода в род, из поколения в поколение. Они, как и многие другие сосуды высокохудожественной отделки иноземного происхождения, давно стали составной частью быта кубачинцев и элементами декоративного убранства интерьера их жилища.

Художественные связи Дагестана со странами Ближнего и Среднего Востока, в том числе с Египтом, способствовали проникновению в быт и культуру дагестанцев, и в частности кубачинцев, высокохудожественных произведений декоративно-прикладного искусства, обогащению искусства с Кубачи различными сюжетами и образами, орнаментальными мотивами, а также декоративно-техническими приемами.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиханов Р.А.* Кубачинский орнамент. Альбом. М.: Госиздат литературы по бытовому обслуживанию населения. 1963. – 13 с., 40 табл. илл.
- Аствацатурян Э.Г.* История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX в – начале XX в. Дагестан и Закавказье. Ч. I–II. М.: Наука, 1977. Ч. I – 169 с. Ч. II – 260 с. + 14 л. табл.
- Аствацатурян Э.Г.* Оружие народов Кавказа. Изд. 2-е, дополненное. СПб.: Изд-во «Атлант», 2004. – 432 с., илл.
- Аствацатурян Э.Г.* Дагестанское оружие. Махачкала: Изд-во «Эпоха», 2009. – 216 с., илл.
- Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. Изд. Русского Археологического общества с предисловием В. Розена. СПб., 1895. – 9 с., 26 л. табл.
- Башикиров А.С.* Искусство Дагестана: резные камни. М.: РАНИОН, 1931. – 118 с., 107 табл. илл.
- Воронин Н.Н.* Смоленская живопись 12–13 веков. М.: Изд-во «Искусство», 1977. – 184 с., 79 илл.
- Даргала халкыла далуйти (Даргинские народные песни). Сост. З.А. Магомедов и Ф.А. Алиева Махачкала: Издание Дагфилиала АН СССР, 1970 (на даргин. и кубачин. яз.). – 175 с.
- Иванов А.А.* Бронзовый тазик середины XIV в. // Средняя Азия и Иран. Сб. статей. Л.: Изд-во «Аврора», 1972. С. 114–134.
- Иванов А.А.* О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Альбом / Сост. А.А. Иванов. Л.: Изд-во «Художник РСФСР», 1976. С. 164–197.
- Изабакаров Г.Б.* Основы кубачинского искусства. Изд. 2-е, дополненное. Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. – 128 с., илл.
- История Дагестана в 4-х томах. Т. 1. М.: Наука. Главная редакция восточн. литературы, 1967. С. 282–292.
- Кильчевская Э.В., Иванов А.С.* Художественные промыслы Дагестана. М.: Всесоюзное кооперативное изд-во, 1959. – 175 с., илл.
- Кильчевская Э.В.* Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Госиздат местной промышленности РСФСР, 1962. – 83 с., XVI табл. илл.
- Лавров Л.И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Часть I. Надписи X–XVII вв. М.: Наука. Главная редакция восточн. литературы, 1966. – 300 с.
- Магомедов Р.М.* История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. – 340 с.
- Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. – 348 с., 237 илл.
- Маммаев М.М.* Зирихгеран-Кубачи: очерки по истории и культуре. Махачкала: Издание Дагестанского научного центра РАН, 2005. – 250 с., 61 илл.
- Певзнер С.Б.* Коптские традиции в орнаментации тканей средневекового Египта // Культура и искусство народов Востока. Труды Государственного Эрмитажа, 1961. С. 228–242. – VIII табл. илл.
- Рамазанов Х.Х.* Каменный мешок? Нет! Торговый перекресток // Советский Дагестан. 1978. № 1. С. 76.
- Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура: историко-этнографические этюды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 223 с., илл.
- Шихсаидов А.Р.* Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2008. – 560 с.

Рис. 1. Каменный рельеф – архитектурная деталь из с. Кубачи с изображениями птиц в геральдической композиции и с орнаментом. Начало XV в. ГЭ. Прорисовка.

Рис. 2. Каменный рельеф – архитектурная деталь из с. Кубачи с изображениями противостоящих птиц и с орнаментом. XIV в. ДГОМ. Прорисовка.

Рис. 3. Изображение птицы на боковой колонке каменного тимпана окна из с. Кубачи.
Конец XIV – начало XV в. ДГОМ. Прорисовка.

Рис. 4. Детали сабли боярина Ф.И. Мстиславского. XV–XVI вв.
Оружейная палата Московского Кремля. По Э.В. Кильчевской и А.С. Иванову.

Рис. 5. Деталь сабли боярина Ф.И.Мстиславского. XV–XVI вв.
Оружейная палата Московского Кремля. По Э.В. Кильчевской и А.С. Иванову.

Рис. 6. Бронзовая (латунная) чаша из Египта. Середина XIV в. с. Кубачи.
Частная коллекция.

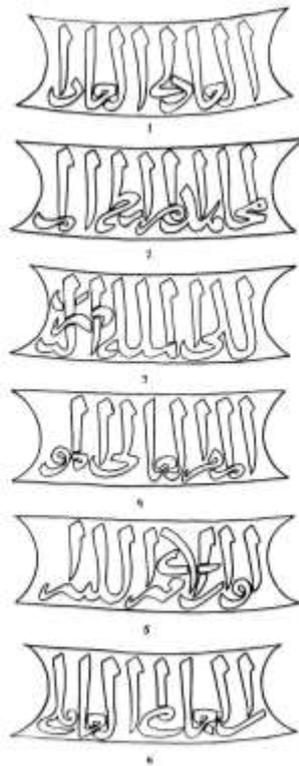

Рис. 7. Медный луженый тазик с арабскими (?) надписями.
Сиро-египетское производство. Середина XIV в. с. Кубачи. Частная коллекция.

